

Глава 1

Усевшись на угловой диванчик напротив большого окна, я смотрю на чистое голубое небо. Полдень уже миновал, а за окном не становится теплее, — наверное, это естественно для февраля. На мне свитер, я сижу в своей комнате и пытаюсь проникнуться новой обстановкой, этим незнакомым городом. Никогда бы не подумала, что однажды буду жить в Сан-Франциско. На самом деле я из Тусона — пустынного города в штате Аризона, окруженного горным хребтом Санта-Каталина. Там мы благополучно жили вместе с мамой. У нас была трехкомнатная квартира, небольшая, зато очень уютная.

Но три месяца назад мы узнали о смерти маминной тети. Фрида — так ее звали — завещала нам, как единственным оставшимся родственникам, маленький домик в Сан-Франциско, а также свои сбережения. Мы с мамой очень удивились — ведь мы никогда не общались с Фридой.

В следующие же выходные мы отправились в Сан-Франциско и нашли в районе Хейт-Эшбери небольшой таунхаус Фриды. Как и большинство зданий на этой улице, дом довольно узкий, с высокими окнами и выкрашен в разные цвета — от-

голосок эпохи хиппи. Он мне сразу приглянулся, но стоило нам увидеть дом изнутри, мы в него просто влюбились. Особенно мне понравилась моя комната: высокие потолки, свет льется из огромных окон. Но главное — у меня есть своя собственная ванная, в которую я могу попасть прямо из комнаты.

Хотя нам и не довелось познакомиться с Фридой, она сделала нам большой подарок. Потому что мама никогда бы не смогла позволить себе домик или даже квартиру в Сан-Франциско. Она воспитывает меня одна. Своего отца я не знаю, что, впрочем, меня не сильно печалит. Мы и вдвоем неплохо справляемся. Мама работает медсестрой, и семейная жизнь с трудом вписывается в ее сменный график. В свои семнадцать лет я уже вполне могу о себе позаботиться и по возможности помогаю маме.

После недолгих размышлений мы наконец решились. Мама подыскала себе работу в Центральной больнице Сан-Франциско. И вот уже как три дня мы живем и обустраиваемся в нашем новом доме.

Я проверяю телефон и вижу сообщения от подруг — Сью, Тони и Лии.

«Мы скучаем».

«Мы должны увидаться снова как можно скорее».

«Город словно опустел. Тебя так не хватает».

Мне было нелегко расставаться с подругами — и я тоже ужасно по ним соскучилась. Но здесь маме больше платят, и теперь у нас есть этот чудесный дом. И все же сейчас мне бы очень хотелось быть рядом с друзьями.

— Тереза! — На пороге комнаты стоит мама с коробкой в руках. — Это последняя из подвала.

Подумала, тебе будет интересно. Здесь картины, их наверняка Фрида написала.

Она ставит коробку передо мной. Я медленно открываю картонные створки. В нос бьет затхлый запах, затем я вижу первые мазки краски. Одну за другой достаю картины и внимательно рассматриваю их. В искусстве я не особо разбираюсь, но, по мне, Фрида и вправду хорошо рисовала. Кажется, особую любовь она питала к изображению городов. На картинах много зданий, в некоторых я сразу узнаю дома на нашей улице. Есть и несколько природных пейзажей: облака мягкого серого оттенка, зеленые и желтые травинки тихо колышутся на ветру, и кажется, будто его дуновение вот-вот почувствуешь на коже. Каждая деталь проработана, выписана с любовью, да так реалистично, что я не могу оторвать от пейзажей глаз. До этого чужие картины не приводили меня в такое восхищение.

— Они потрясающие, — шепчу я, все еще не в силах оторваться от картин. Поправляю на носу очки, чтобы получше разглядеть мазки.

— Да, недурно для художницы-любителя, — говорит мама, и я удивленно смотрю на нее. Видимо, картины не вызывают у нее того же восторга, что и у меня. Они словно живые, такие яркие, такие пленительные — в них есть нечто захватывающее, чему я не могу придумать название. Эти картины заставляют что-то внутри меня трепетать. Жаль, я не была знакома со своей двоюродной бабушкой.

— Хочу еще на них посмотреть. — Я оглядываюсь. — Наверное, повешу у себя парочку.

Мама пожимает плечами и усмехается.

— Кто бы мог подумать, что ты вдруг станешь ценителем искусства.

— Во мне еще много скрытых талантов.

Мама смотрит на часы и хмурится.

— Уже так поздно. Мне пора идти, работа зовет. — От смущенной улыбки морщинки вокруг ее серо-голубых глаз становятся чуть заметнее. Даже в свои сорок пять лет мама остается весьма привлекательной женщиной: стройная фигура, темно-каштановые, почти черные волосы. И даже когда в прядях появились первые седые волоски, она не стала ничего с ними делать. И это в ней я особенно ценю. «Я честно заслужила свои морщины и седину», — повторяет мама, и ее лицо озаряет озорная улыбка, которая ей так идет.

Я похожа на маму — по крайней мере, у нас одинаковый цвет волос, однако, в отличие от ее, мои слегка волнистые. У нас похожие маленькие, прямые носы, тонкие губы и чуть заостренные уши. Но большие лазурные глаза я, кажется, унаследовала от отца.

— Ты тут справишься одна? — как обычно спрашивает она, и я бодро киваю.

— Серьезно? До сих пор сомневаешься? — Я встаю и обнимаю ее. — Не волнуйся, я большая девочка, справлюсь. Я еще тут немного приберусь и лягу спать. В конце концов, завтра трудный день.

Завтра я иду в школу, и мне уже немного не по себе, ведь меня ожидает все новое: одноклассники, учителя. Но мне все же не терпится там оказаться: Городская школа Сан-Франциско довольно дорогостоящая. Мы можем себе ее позволить только благодаря наследству Фриды. К моему выпуску от этих денег почти ничего не останется, но маме важно, чтобы я ходила в хорошую школу.

Сейчас я переживаю разве что о том, что перехожу в новый класс посреди учебного года —

я ворвусь в налаженный учебный процесс. Но иного выхода не было. Мама должна была сразу выйти на новую работу.

— Хорошего тебе дня, — говорю я маме и еще раз крепко обнимаю ее. — У тебя наверняка будут славные коллеги. А может, тебе даже кто-нибудь понравится.

На мое подмигивание мама лишь раздраженно фыркает.

— Странно, когда собственная дочь пытается тебя с кем-то свести.

— Я только говорю, что тебе не помешает оглядеться по сторонам, — поправляю я ее.

Последние мамины отношения закончились больше пяти лет назад. В то время мама встречалась с Дэном, хорошим парнем, работавшим в офисе напротив больницы. Они познакомились, когда оба зашли за кофе в «Старбакс». Но оказались слишком разными и меньше чем через год разошлись. Маме и одной хорошо, ей не нужен мужчина, чтобы жить полной жизнью. И несмотря на это, я желаю ей найти понимающего и любящего человека.

— Ну, я пошла. — Она целует меня, уже в дверях оборачивается и говорит: — Держи за меня кулачки. — Мама тоже волнуется, и я ее прекрасно понимаю. За последние несколько дней она уже пару раз заходила в больницу, чтобы ее ввели в курс дела, но теперь заступает на настоящую, к тому же позднюю смену.

Когда мама уходит, я снова выглядываю в окно — мне нужно привыкать к новому месту. При виде разноцветных таунхаусов качаю головой. Я теперь живу в Сан-Франциско — началась совершенно новая жизнь, и меня охватывает тре-

пет, а в животе кружатся бабочки. Так хочется поскорее познакомиться с городом!

Вечером я готовлю себе легкий ужин. Мама частенько работает допоздна или берет ночные смены. Она довольно редко бывает дома, и боюсь, что с ее новой работой ничего не изменится. Поэтому мы стараемся проводить вместе все свободное время: готовим, ходим на экскурсии или просто рассказываем друг другу о том, что новенького было за последние пару дней.

Сделав себе бутерброд с ветчиной и сыром, я устраиваюсь поудобнее на диване и включаю телевизор. Надо бы еще собрать рюкзак и приготовить одежду на завтра — я жуткая соня, и каждая дополнительная минута в постели для меня священна. Так уж вышло, что по утрам я туго соображаю, и, как показала практика, утренних сборов мне стоит избегать.

Я сажусь смотреть какой-то унылый фильм и на половине уже устало потираю глаза. В поле зрения что-то мелькает, и я раздраженно выдыхаю. Затем делаю глубокий вдох и часто моргаю, но зрение от этого не проясняется. Значит, пора спать. На сегодня, очевидно, достаточно, стоит дать отдохнуть и себе, и глазам.

Я собираю вещи и ложусь в свою новую кровать. По телу на мгновение пробегает озноб — наверное, забыла закрыть окно. Я плотнее кутаюсь в одеяло и с легким вздохом погружаюсь в сон. Шорохи дома, тихий шепот ветра, похожий на зов, — все отдаляется, и мое сознание вплетает эти звуки в сумбурное сновидение.

Глава 2

Оглушительный грохот вырывает меня из сна, абсурдность которого едва ли можно себе представить, но ночью он казался полным смысла. Быстро повернувшись на бок, я выключаю будильник.

Скользнув взглядом по комнате, я постепенно понимаю, где нахожусь: в своей постели, в своем новом доме. Сегодня понедельник... и мне пора в школу. Я вмиг вскакиваю, обрывки сновидения теряют всякий смысл и бледнеют, как темные остатки ночи, отгоняемые солнцем.

Я хватаю теплый свитшот, надеваю второпях джинсы и кроссовки. Еще раз подхожу к закрытому окну, чтобы убедиться, что нет дождя и мне не нужны зонт или куртка. Прежде чем я отворачиваюсь, в мыслях всплывает тусклое воспоминание. Разве я на ночь не оставила окно открытым? Мне же было так холодно.

Я вздыхаю и потягиваюсь. Наверняка все дело в непривычных перепадах температуры. Местный климат мне пока что в новинку. Будет лучше все-таки прихватить с собой куртку.

Быстрым шагом я направляюсь к автобусной остановке. Хотя Сан-Франциско славится своими

канатными трамваями, к сожалению, их маршруты проходят лишь в центре города. Поэтому мне не остается ничего другого, кроме как сесть на автобус или отправиться пешком.

Спустя примерно пятнадцать минут я стою у своей новой школы. Из информационной брошюры я узнала, что здесь учатся более четырехсот человек. Передо мной возвышается современное здание с застекленным фасадом, внушительное и на первый взгляд довольно симпатичное. Однако входные двустворчатые двери теряются на фоне массивных каменных стен. И мне кажется, что захожу я не в школу, а в отель.

Просторный вестибюль, потолочные своды прямо как в соборе. По коридорам движутся потоки учеников, и до моих ушей доносится путаница голосов и разных звуков. Новая школа определенно произвела на меня впечатление, и я не могу дождаться начала занятий. Достав из рюкзака расписание, ищу номер кабинета. Первый урок — английский. Я вливаюсь в поток учеников и на ходу выглядываю номера на дверях классов. В какой-то момент нахожу верное направление и наконец оказываюсь напротив нужного класса.

Некоторые одноклассники уже расселись по своим местам, остальные болтают, собравшись небольшими группами. Я киваю им с улыбкой и принимаюсь искать свободное место. Спрашиваю стройную брюнетку в сером вязаном свитере, могу ли подсесть к ней. Она поднимает на меня голубые глаза. На носу и щеках у нее веснушки, и личико довольно симпатичное.

— Эм, конечно. Здесь свободно, — тихо отвечает она.

— Меня зовут Тереза, но можешь звать меня просто Тесс, — говорю я и сажусь на свободный стул.

— Кейт, — представляется она, и на губах появляется застенчивая улыбка.

— Ну и ну, эта школа просто громадная, — начинаю я светскую беседу, оглядывая класс. Он такой новый, современный. На партах ни царапинки, стулья с анатомическими спинками. — Мне потребуется время, чтобы начать здесь ориентироваться, — бормочу я себе под нос.

— Уверена, ты быстро освоишься, — замечает Кейт. Она колеблется, но не отводит от меня взгляда. — Ты не из Сан-Франциско?

Я мотаю головой.

— Еще недавно я жила с мамой в Тусоне, штат Аризона.

— Тогда тебе наверняка придется привыкать к местному климату.

Я киваю.

— Там мне нечасто приходилось носить такие теплые кофты, — отвечаю я с улыбкой, указав на свой свитшот.

— Уверена, тебе понравится в Сан-Франциско, и в этой школе тоже. У нас тут много внеклассных мероприятий и дополнительных курсов. Учителя очень добрые и заботятся о нас.

— Звучит здорово, — начинаю я, но тут дверь в класс распахивается, и я оборачиваюсь. В класс входит высокий мужчина с черными волосами. На нем темная рубашка и обычные джинсы. Пока он идет к доске, все рассаживаются за парты.

— Вы знаете правила: убираем телефоны, достаем учебники. — Радушный тон и улыбка смягчают его слова. Он окидывает взглядом класс

и задерживается на мне. — Ах да, у нас новая ученица. Вы переехали из Аризоны, верно?

Я киваю.

— Мы с мамой жили в Тусоне.

— Что же, добро пожаловать в Сан-Франциско. Меня зовут Крис Хэнсон. Надеюсь, вы уже успели немного освоиться.

— Да, спасибо, мне уже тут очень нравится.

— Чуть позже у вас будет время пообщаться с одноклассниками. А сейчас приступим к нашему занятию. Мы начали изучать «Сон в летнюю ночь». Надеюсь, вы прочитали заданные страницы.

Я открываю книгу, тихо радуясь в душе, что в моей прошлой школе мы уже прошли эту пьесу. Мистер Хэнсон поворачивается к доске, и остаток урока проходит в приятной дискуссии, в которой я тоже могу поучаствовать.

После урока к моей парте подходят две девушки и тепло мне улыбаются.

— Я Мария, а это Ванесса, — представляет себя и подругу высокая брюнетка с распущенными вьющимися волосами. — Как тебе в нашей школе?

— Думаю, мне потребуется время, чтобы здесь освоиться. Здание такое огромное. Но то, что я успела увидеть, мне очень понравилось.

— Да, это непросто. А Тусон большой город? — спрашивает Ванесса, ее длинные светлые волосы заплетены в замысловатую косу.

— Больше пятисот тысяч жителей, — отвечаю я. Она кивает.

— Значит, меньше Сан-Франциско.

В ее голосе промелькнуло пренебрежение или мне только кажется?

— Да уж, наверняка, — отвечаю я, не совсем понимая, как расценивать этот разговор. Они

пытаются быть со мной приветливыми или наоборот?

— Ну что же, мы пойдем. Позже увидимся. — На прощание Мария машет мне рукой и вместе с Ванессой выходит из класса.

Сложив свои вещи, я смотрю на соседку. Хотя Кейт уже давно собрала рюкзак, она до сих пор в нерешительности сидит за партой.

— Что у тебя дальше? — интересуюсь я.

— Химия.

— Отлично. У меня тоже. Может, пойдем вместе? Мне тогда не придется блуждать по коридорам, и ты немного расскажешь о себе.

Наконец на губах Кейт появляется улыбка.

— С радостью.

Мы выходим из класса и направляемся по коридору, который приводит нас к ряду шкафчиков.

— Мне сперва надо взять кое-какие учебники. У тебя уже есть личный шкафчик?

Я снова достаю лист с расписанием. Несколькими строками ниже нахожу и номер шкафчика.

— Да, — отвечаю я и пробегаю глазами по рядам. Внезапно мое внимание привлекает парень: скрестив руки на груди, он стоит, прислонившись спиной к шкафчику. Одежда на нем самая простая — темная футболка и обыкновенные джинсы, — но кажется, словно она сшита специально для него. Копна русых вьющихся волос выглядит потрясающе. Он будто был рожден, чтобы сыграть роль парня мечты в каком-то слезливом романтическом кино. Незнакомец смотрит на меня, и взгляд его так пронзителен, что я даже теряюсь. Но затем, опомнившись, понимаю, что чересчур долго пялюсь на него. Я быстро отвожу глаза. Не люблю это признавать, но я тоже иногда по-

падаю в ловушку стереотипов. Например, когда вижу подобных красавчиков, тут же представляю себе, что они тренируются с утра до вечера, чтобы вылепить идеальное тело Аполлона. Часами позируют перед зеркалом, пытаюсь понять, довольны ли они результатом. И между делом выкладывают в соцсетях тупые селфи: #кубикипресса #никакогофотошопа. И наверняка он настаивает на том, чтобы его девушка регулярно ходила с ним в спортзал и ужинала максимум салатом — в идеале без заправки. Совсем не мой мир.

— Это Эйден, — вырывает меня из задумчивости Кейт. — Он перешел в нашу школу месяц назад.

В этот момент к нему подходят Мария и Ванесса, начинают болтать и хихикать. Мария все время игриво тербит свои волосы.

— Он быстро нашел общий язык со всеми, но до сих пор ни с кем не встречается, — зачем-то добавляет Кейт.

Я пожимаю плечами.

— Рада за него.

Кейт оценивающе смотрит на парня, кажется, подбирая подходящие слова. Словно почувствовав ее взгляд, он поворачивается в сторону девушки, и лицо его на мгновение мрачнеет. Потом он снова смотрит на меня. Глубина и сила его взгляда действительно впечатляют. Ты будто чувствуешь себя... плененной.

— Идем, урок вот-вот начнется, — вновь вырывает меня из моих мыслей Кейт, и мне удается оторваться от Эйдена.

И мы направляемся на следующий урок. Я пытаюсь запомнить дорогу. Бесконечно длинные коридоры только усложняют задачу. В какой-то

момент мы останавливаемся у двери, и Кейт входит первая.

— Если хочешь, можешь сесть со мной, — предлагает она и поднимает на меня глаза лишь после того, как я соглашаюсь и благодарю ее.

Класс постепенно заполняется людьми, звенит звонок, возвещающий о начале урока, и вместе с ним в дверях появляется еще один человек. Даже не знаю, что меня удивляет. С самого начала было ясно, что с Эйденом мы еще встретимся, он ведь тоже здесь учится. Но почему именно на моем курсе? И почему вообще меня это так смущает? Он вновь смотрит в мою сторону, и на этот раз я замечаю, какие же невероятно зеленые у него глаза. Пухлые губы растягиваются в притягательной улыбке, которая совершенно сбивает меня с толку, как и сияющий блеск в его глазах.

Он садится прямо передо мной. Его сосед, темноволосый парень, тут же о чем-то с ним заговаривает. Видимо, Эйден популярен не только у девушек.

Едва звонок стих, в класс входит пожилой мужчина. Редкие седые волосы торчат во все стороны. Белый халат ему определенно велик и висит на худощавом теле, как на вешалке. Он напоминает мне безумного профессора, и я улыбаюсь.

Он окидывает взглядом класс, затем молча поворачивается к доске и принимается писать формулы.

— Эм... мистер Кэтс, — окликает его ученица с кудрявыми волосами. Он оборачивается — вид у него немного потерянный, как будто учитель не совсем понимает, откуда исходит голос, вырвавший его из раздумий. Затем проводит рукой

по волосам, еще больше их взъерошивая. Теперь торчащие вверх заостренные пряди напоминают кошачьи уши.

— Да-да? — спрашивает он скрипучим голосом.

— У нас новая ученица, — говорит девушка и смотрит на меня. Учитель следит за ее взглядом, но, кажется, не совсем понимает, кого она имеет в виду. Очевидно, большую часть занятий он проводит стоя у доски спиной к классу. Иначе он бы точно заметил незнакомое лицо.

Я тут же поднимаю руку.

— Меня зовут Тереза Франклин. Я переехала из Аризоны.

Несколько секунд он таращится на меня, затем его лицо мрачнеет.

— Аризона, говорите?

Я киваю, поскольку он, кажется, ждет подтверждения.

— В вашей прежней школе была химия?

Снова киваю и громко добавляю:

— Да, и я всегда считала химию очень занимательной.

— Занимательной! — пренебрежительно повторяет мистер Кэтс. — Учил я как-то двоих из Аризоны. У тех тоже были одни развлечения на уме. Но никак не связанные с химией. Надеюсь, с вами будет иначе. Что ж, поглядим. — На этом он отворачивается и продолжает дописывать свои формулы.

Сперва его слова меня задевают, но уже через мгновение я не могу сдержать улыбку. Я и вправду могу придумать гораздо более увлекательные занятия, чем уроки химии. Но этот учитель такой чудаковатый, что, если так пойдет и дальше, мне хотя бы будет над чем посмеяться во время уроков.